

© 2024 г. **Е.А. Пастернак**

«СРАВНИ С ПОХОЖЕЙ СТРОКОЙ»: КОМПОЗИЦИОННЫЕ, ВЕРСИФИКАЦИОННЫЕ И СЮЖЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМ, ОПУБЛИКОВАННЫХ А.А. ИЛЮШИНЫМ¹

Аннотация: В статье рассматривается композиционное, версификационное и сюжетное устройство поэм, опубликованных профессором МГУ А.А. Илюшиным. Намеренное сокрытие имени автора, разделение ролей автора, публикатора и комментатора, подчёркиваемые и скрываемые учёным отсылки создают пародийный эффект, в текстах прослеживаются черты пастиша и ретеллинга.

Ключевые слова: поэмы, А.А. Илюшин, пародия, пастиш, ретеллинг, формы четырёхстопного ямба, Данте, Монс.

Информация об авторе: Екатерина Алексеевна Пастернак — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, к. 854, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6997-6632>

E-mail: pasternakea@my.msu.ru

Для цитирования: Пастернак Е.А. «Сравни с похожей строкой»: композиционные, версификационные и сюжетные особенности поэм, опубликованных А.А. Илюшиным // Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации /

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10132) в Институте мировой культуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Данная статья написана по материалам выступления на Круглом Столе «Пародия. Пастиш. Ретеллинг. Рецепция и художественная интерпретация литературного произведения» (16.05.2023; организатор Э.В. Васильева), проведенном в рамках проекта «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации» по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.; руководитель проекта М.Р. Ненарокова).

отв. ред. М.Р. Ненарокова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 390–399.
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0777-9-390-399>

© 2024. **Ekaterina A. Pasternak**

“COMPARE WITH A SIMILAR VERSE”: COMPOSITION,
VERSIFICATION AND PLOT FEATURES OF POEMS PUBLISHED
BY A.A. ILYUSHIN

Abstract: The article deals with the composition, versification and plot structure of the poems published by A.A. Ilyushin, professor of Lomonosov Moscow State University. The intentional concealment of the author’s name, the separation of the roles of the author, publisher and commentator, the references emphasized and hidden by the scholar create a parodic effect; the texts demonstrate features of pastiche and retelling.

Keywords: poems, A.A. Ilyushin, parody, pastiche, retelling, forms of iambic tetrameter, Dante, Mons.

Information about the author: Ekaterina A. Pasternak, PhD in Philology, Junior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 51, room 854, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6997-6632>

E-mail: pasternakea@my.msu.ru

For citation: Pasternak E.A. “Compare with a Similar Verse”: Composition, Versification and Plot Features of Poems Published by A.A. Ilyushin.” *Anglijskaja klassičeskaja literatura v mirovoj kul’ture: recepcii, transformacii, interpretacii* [English classical literature in world culture: receptions, transformations, interpretations], ex. ed. Maria R. Nenarokova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 390–399. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0777-9-390-399>

На протяжении нескольких десятилетий Александр Анатольевич Илюшин — профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, специалист в области истории русской поэзии, стиховедения и дантологии — публиковал, помимо сугубо научных трудов и переводов, поэмы. Ни одна из них не была издана при жизни под именем автора.

Как нам кажется, эти поэмы представляют особый интерес не просто как очередное художественное произведение, но

как образец творчества филолога, для которого эти сочинения стали естественным продолжением учёных занятий, способом переосмыслить хорошо знакомые жанровые, сюжетные и версификационные каноны, а также подвести к размышлениям о границах между комическим и серьёзным. В них встречаются пародийные элементы (см. ниже об образе «ходячего мертвеца») и ретеллинг (частично — биографий любимых автором поэтов, в основном — отдельных эпизодов «Божественной Комедии»), однако ближе всего они к пастишу — и потому, что хорошо знакомое не высмеивается, а скорее предстаёт в неожиданном свете, и потому, что осмысление этих «филологических» поэм предполагает знания читателя в области истории литературы. Сам выбор такого не самого типичного жанра для современной поэзии, как поэма, причём не условный, а с соблюдением основных формальных требований к ней, со знанием традиции русской и европейской поэмы, указывает на неординарность этих текстов.

Тематически они пересекаются с тем, что волновало Илюшина как исследователя: например, «Память Его о Ней» и «Мёртвый в мире живых» — не только истории, в которых присутствуют этот и «словно ирреальный» [9, с. 20]² миры, что объяснимо для знатока Данте, но и рассказ о русских поэтах; в «Монсе» автор обращается к любимому Илюшиным веку и затрагивает тему отношений поэта и царя; «Вновь вижу мою донну»³ — причудливый сплав размышлений о Данте и Ап. Григорьеве. Не менее важным оказывается и формальное устройство произведений, причём в этом смысле оно исключительно разнообразно: в качестве примера упомянем хотя бы терцины и силлабические стихи; первые сохранены в илюшинском переводе «Божественной Комедии» [8], вторым же посвящена его докторская диссертация [3].

Все эти произведения были собраны под одной обложкой только после смерти учёного [9]: это 10 поэм, которые публиковались ранее, и четыре поэмы, которые были представлены

² Далее при цитировании этого издания в тексте статьи в круглых скобках указывается только номер страницы, откуда взята цитата.

³ Это общее название публикации в «Дантовских чтениях», состоящей из предисловия, трёх частей поэмы и комментариев [2]. Далее мы сохраняем это условное название, тем более что оно закреплено в [9, с. 56].

читателю впервые, а также “Tragedia”, «драматическое произведение» (295), которое с точки зрения объёма и стилистических особенностей примыкает к корпусу поэм. К сожалению, в этом издании были выпущены значительные части произведений, что, на наш взгляд, существенно искажает их замысел. Собственно «сюжет» стихотворной части — далеко не самое важное в этих произведениях; хочется верить, что в дальнейшем выйдет в свет более полное издание поэм, тем более что при жизни автора они не всегда публиковались в очевидных источниках [5].

Обширные предисловия, обладающие собственным сюжетом, и многочисленные «публикаторские» комментарии практически к каждой поэме являются неотъемлемой частью этих произведений. Во многом именно благодаря им тексты становятся гораздо сложнее: становится понятным, что Илюшин выступает сразу в нескольких ипостасях (например, публикатор и комментатор), намеренно скрывая главную — автора всего произведения. Это перекликается с его профессиональным интересом к анонимной поэзии и проблеме мистификации. Такой приём обращает внимание читателя на то, сколь по-разному будет восприниматься один и тот же текст, если он сопровождается заголовочно-финальным комплексом, придуманным «другими лицами» (или самим автором? — и если да, то почему автор решает выбрать именно такую форму самопрезентации?).

Что даёт в этом случае такое разделение ролей автора, публикатора и читателя? Обычно об «авторе» неизвестно практически ничего, в лучшем случае — имя и несколько вымышленных деталей биографии: например, несколько поэм сочинены от имени Юрия Сидорина, реально существовавшего человека, друга Илюшина, учёного с экзотическим кругом интересов, отнюдь не похожим на круг интересов Илюшина вплоть до двойничества, как можно было бы подумать, приняв на веру излагаемое о нём в предисловиях к поэмам. Читатель может представить автора любым, живущим в самые разные времена, увидеть в стихотворных частях поэм множество слоёв, не ограничиваясь представлениями о конкретном периоде в истории литературы. Такой «микс» и стилистически, и идейно близок самому Илюшину: он постоянно намеренно сочетает «высокую» и «низкую» лексику, а в комментариях к поэмам можно увидеть, сколь важно для него подчеркнуть неразрыв-

ность истории литературы, указать на неожиданные сближения, казалось бы, совсем непохожих произведений: в чём-то сходными оказываются Жуковский и Е. Студеникина; русские романтики и Твардовский; поэты ранней петровской эпохи и футуристы.

Детали биографии публикатора следуют за реальностью, однако обладатель этого «голоса» попадает в удивительные ситуации. Так, например, в предисловии к поэме «Вновь вижу мою донну», сохранённом в первой публикации в «Дантовских чтениях» [2], он получает награду в Италии за перевод «Божественной Комедии», как и сам Илюшин в 1990-е гг., после чего ему дарят неизвестную ценную рукопись, переворачивающую представление об истории русской поэзии XIX в. В этом можно увидеть и способность к художественному изложению историй, и хотя бы воображаемое исполнение желаний многих учёных, и страсть к мистификациям, и, конечно, отсылку к литературе (в первую очередь XIX в.⁴), где произведение нередко сопровождается оригинальной историей его «появления», — достаточно вспомнить «Повести Белкина» и «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Комментатор же наиболее похож на настоящего Илюшина-преподавателя — в этой роли он и был наиболее знаком аудитории при жизни. Он постоянно даёт серьёзные и шуточные подсказки относительно отдельных важных мест в поэмах, причём граница между юмором и серьёзностью часто неочевидна. При этом со стороны читателя было бы очень легковёрным полагать, что Илюшин комментирует всё, что бросается в глаза в стихотворных частях поэм и кажется важным: каждый раз он как будто приглашает читателя продолжить поиск отсылок самостоятельно, а заодно подумать о том, почему какие-либо места не были прокомментированы.

Это напоминает о манере преподавания самого Илюшина — как в письменной форме, например в «Русском стихосложении», где он тоже задаёт не «проверочные», а вполне настоящие вопросы читателю, который при желании может перейти к серьёзным размышлениям самостоятельно [4], так и в устной (см., например, воспоминания в [6]). Читателю нужно помнить и о многослойном юморе в этой части поэм:

⁴ Интертекстуальные связи, содержащиеся в стихотворной части поэмы, подробно рассмотрены в статье [1].

так, отдельные «бессмысленные» замечания — это одновременно пародия на комментарии настоящих исследователей, которые иногда «хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном» [10, с. 113], и на научно-популярные издания, рассчитанные на самый широкий круг читателей, однако это же и отсылка к пародийным автокомментариям других авторов, в первую очередь, конечно, к «Евгению Онегину», которого Илюшин по-настоящему любил.

Приведём несколько примеров. Вот одни из самых ярких катренов в поэме «Мёртвый в мире живых»:

Философ некий, муж науки,
Боготворя свою жену,
Готов был на любые муки,
Её чтоб радовать одну.

Но, не переставая злиться
На благоверного, она
Изволила отворотиться
И не удовлетворена. (79–80)

Поэту интересен не провокационный сюжет — он лишь возможная приманка для читателя: в примечании 16 к этим стихам, где характеризуются «четырёхстопные ямбищи» (80), сообщается о главном: «В предшествующих двух четверостишиях продемонстрированы все восемь узаконенных ритмических вариантов русского четырёхстопного ямба» (96). Позиция наблюдателя, которую занимает Илюшин, позволяет сделать прямое указание на необычную формальную особенность этих стихов. В комментариях к этой поэме она же позволяет называть прямой источник вдохновения, в том числе не являющийся широко известным, и демонстрировать непривычные связи между произведениями разных времён:

Пускай шипят бокалы, вспенясь! (74) — 4. Ср.: «Шипенье пенистых бокалов...» (Пушкин)» (96);

И хоть стаканом сиволдая // Странноприимно угости (85) — 22. В автобиографической поэме Полежаева «Сашка» есть слова: «Стакан последний сиволдая...». Сейчас появится и сам герой этой поэмы (97);

А Сашка думает, наверно: «Что это? кто такой варяг? // Или расслышал я неверно // И не варяг он, а моряк?» (86) — 23. Разумеется, лежаевский Сашка не мог знать песню «Варяг» (97);

За далью даль, и даль за далью... (87) — 24. Персонажи поэмы Твардовского «За далью даль» едут тоже на Дальний Восток (97).

Так, включение словесной и метрической отсылки к Твардовскому объясняется не просто желанием переполнить поэму интертекстуальными связями — оно помогает увидеть общее в теме путешествий в литературе. В поэме не до конца умершему герою даётся возможность проститься с привычным миром. Читатель ожидает, что подобный персонаж будет страшным, печальным или мистическим, как это обычно бывает с ожившими мертвецами, однако он пародиен, комичен, ещё и путешествует именно по «литературным» местам. Несмотря на частичный переход в потусторонний мир, он сохраняет вполне земные рассуждения: «Пойду искать, в какой из саун // Отмоюсь, вывалян в грязи» (73) — и привычки: «К питейному бы выйти дому, // Лихой предаться бы гульбе!» (73), и даже «воронья стая», которая «с протяжным карканьем летит» (73), выглядит не страшно, а смешно и литературно — как неизменный, но потерявший смысл атрибут «ходячего мертвеца». Пародийны и ситуации, в которые он попадает: так, первый герой, которого он встречает, — загадочный молчаливый мужчина в саване за прилавком, «знать, тоже мёртвый!» (74), при взгляде на которого становится ясно, «что он при жизни был колдун» (74). Он продолжает чародействовать и сейчас — берёт из ниоткуда «сивухи штоф» (74), после чего «полштофа вынюх[ивает]» (75); таковы его сверхъестественные способности, ничтожное «колдовство», благодаря которому, однако, герой, также познакомившийся с содержимым волшебной бутылки, всё же отправляется в путь. Несмотря на распространённость подобного сюжета, например, у романтиков (причём как в серьёзной, так и в переосмысленной, шутливой версии), никаких прямых указаний на этот счёт в комментариях не даётся; вспомнить о нём — дело читателя.

Отдельные жанровые и сюжетные штампы показаны в поэмах пародийно, но всё произведение совсем не обязательно представляет собой именно пародию. В поэме «Память Его о Ней» заметнее черты пастиша. Главный герой тяжело переживает смерть возлюбленной, он находится практически в полу-

бреду; как и «Мёртвый в мире живых», он страдает от проблемы с алкоголем. Несмотря на то, что главный герой несчастен и отчасти забавен⁵, в тексте очевидны и отсылки к «Божественной Комедии», ведь у Данте умирает Беатриче, и уважительные определения, которые даются любимым поэтам главного героя: «Аполлон Григорьев — // Устал, с людьми и сам с собой повздорив...», «Батеньков, таинственно-родной, // Мужавший в бурях и в орлиных взлётах...», «Побывавший в разных переплётах, // Некрасов — дух смятенный и больной» (18). Пушкин же и вовсе назван «вершинным», «великим, как Великий Океан» (18), что вполне соотносится с читательскими пристрастиями не только главного героя, но и публикатора поэмы. Мир поэтов, казалось бы, воображаемый, становится более чем настоящим: в отличие от «реальных» персонажей, окружающих главного героя, над его горем «Поэты не смеялись. Нет, они // Всё понимали» (19). Поведение поэтов описано уже с расчётом на читателя, немного знакомого с их реальной биографией и особенностями творчества: Иван, «Ишка», Мятлев «не сыпал каламбурами, ни-ни», Надсон же, который тоже похоронил возлюбленную и чувствовал себя одиноким, «казалось, зарыдал» (19). Воспевание русской поэзии — если не главная, то одна из ключевых тем poem, опубликованных Илюшиным.

Отчасти схожая литературная фантазия — в поэме «Монс», частично написанной силлабическими стихами, что соответствует времени жизни главного героя поэмы. Автор ставит себя на не только Монса, но и Кариона Истомина, который здесь «славно ладит с Монсом, // Шутя его кличет то Мопсом, то Монстром» (265). Попытка представить себя в столь интересной эпохе является лишь частичной даже с формальной точки зрения. Так, силлабические стихи написаны очень правильно, однако, к примеру, неточная рифма в стихах, процитированных выше, где в заударной части одного из слов изменён один звук и «вставлены» два, легко представима в поэзии XX в., но практически исключена в описываемое время, при этом дух

⁵ Любопытно, что мы знаем о многих деталях его жизни, при этом и он, и его возлюбленная лишены имён и называются во всём тексте поэмы «Он» и «Она»; это одновременно указывает на парадоксальность и универсальность сюжета и позволяет в духе литературной традиции «скрыть имена прототипов», а вместе с тем снова возвращает к проблеме анонимности.

экспериментаторства, в том числе «формального», характерен для обеих эпох. Это попытка поразмышлять над биографией героя и над сходствами периодов в истории русской поэзии, но не просто пересказ известных фактов о Монсе «в столбик и в рифму».

С ретеллингом же читатель постоянно имеет дело в тех поэмах, где особенно важными являются дантовские мотивы. Уже упоминавшиеся таинственные связи с потусторонним миром и сюжет с потерей возлюбленной — важные, но не единственные способы напомнить о дантовской поэме. Во «Вновь вижу мою донну...» прямо цитируются строки из «Божественной Комедии» (“Puro e disposto a salire к звездам” (59) и “Alza la barba!” (67)), в поэме «Michele Trivolis — Максим Грек» заглавный герой не просто находится в Италии, что соответствует историческим реалиям, а смотрит на флорентийский баптистерий и думает о том, что «здесь окрещён был Данте Алигьери» (153), — именно фигура великого поэта оказывается главной достопримечательностью великого города. В предисловии к «Монсу» (504–506; примечания к нему не были написаны) приводятся рассуждения только о петровском времени, однако трудно не заметить, что главным героем вновь становится поэт, находящийся в своеобразном путешествии.

Добавим, что в поэмах дополняются и перерабатываются биографии реальных людей, связанных с Илюшиным: так, в «Центонном» героями событий начала XX в. становятся «мой дед Александр Филоменыч» (187), с которым случается эффектная боевая история, и «пушкарь Со Кван Чжин» (189), чьё имя удивительным образом совпадает с именем аспиранта Илюшина, защитившего диссертацию о творчестве Радищева [7]. Это не просто комический приём — читатель может поразмышлять о соотношении реального и воображаемого в жизни и творчестве в целом.

Почему эти поэмы кажутся сложными и привлекательными объектами для дальнейших исследований? В них разделены роли автора, публикатора и комментатора, в них очевидна любовь к истории литературы и к её переосмыслению, их тексты балансируют между смешным и серьёзным, причём ни то, ни другое не является самоцелью, — важно именно их сочетание. Такое устройство можно сравнить с устройством стекла в калейдоскопе — чем дольше и пристальнее читатель будет смотреть на эти необычные произведения, тем больше

граней сможет в них увидеть и тем лучше поймёт, что без любовью из них невозможен общий «узор» текста.

Список литературы **Исследования**

- 1 Акимова М.В. Литературные цитаты и аллюзии в поэме псевдо-Григорьева // Поэзия филологии. Филология поэзии: Сб. конференции, посвященной А.А. Илюшину. Тверь: Издатель А.Н. Кондратьев, 2018. С. 92–99.
- 2 Илюшин А. Вновь вижу мою донну // Дантовские чтения 1998. М.: Наука, 2000. С. 158–172.
- 3 Илюшин А.А. Русская силлабика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 334 с.
- 4 Илюшин А.А. Русское стихосложение. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
- 5 Илюшин А.А. Центонное: опыт публикации современного литературного анонима // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 8. С. 74–81.
- 6 Полилова В. Александр Анатольевич Илюшин. 12.02.1940–19.11.2016 // Литературоведческий журнал. 2016. Т. 40. С. 305–306.
- 7 Со Кван Чжин. Проза А.Н. Радищева в литературном движении конца XVIII в. — начала XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 147 с.

Источники

- 8 Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. с итал., вступ. ст. и примеч. А.А. Илюшина. М.: Издат. центр филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995. 800 с.
- 9 Илюшин А.А. Избранные стихотворные произведения / подгот. текста Е.А. Илюшина. М.: Common place, 2020. 518 с.
- 10 Чехов А.П. Свадьба: Сцена в одном действии // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 12: Пьесы. 1889–1891. С. 107–123.